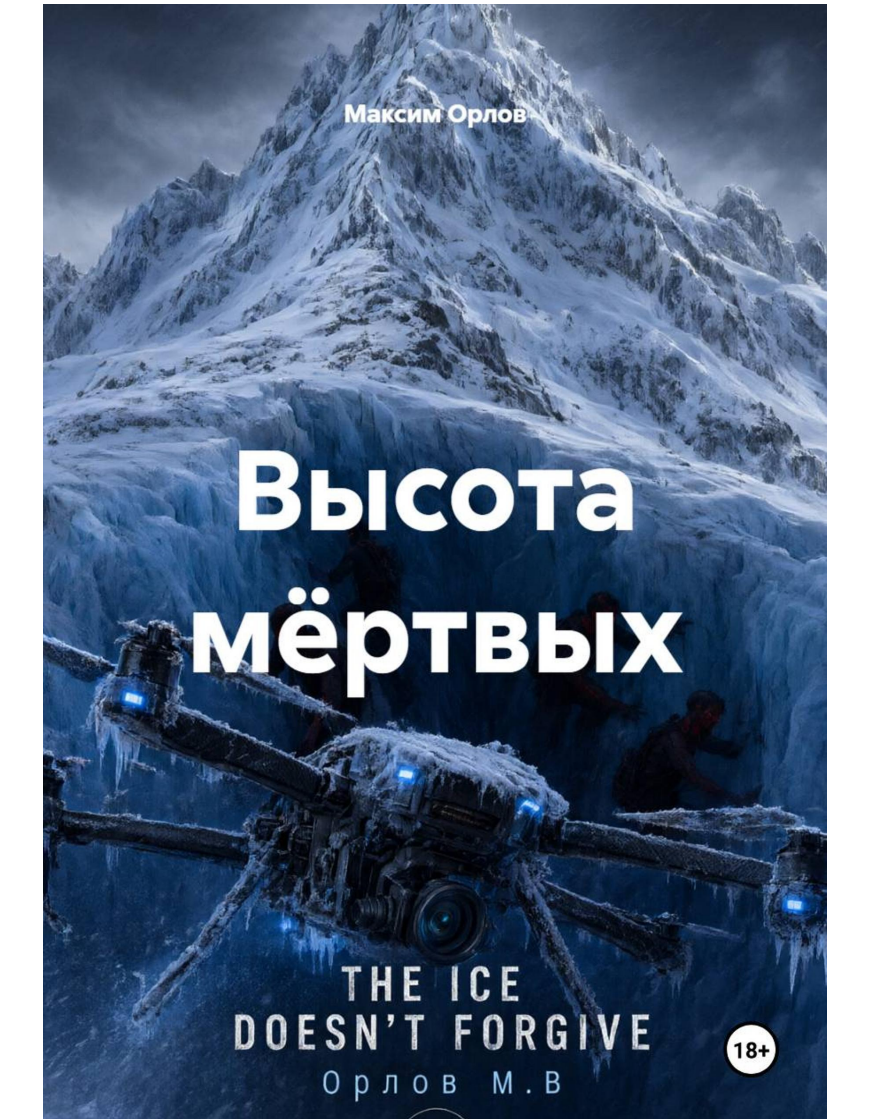

The background of the poster is a dramatic, high-contrast image of a snow-covered mountain peak under a dark, stormy sky. In the foreground, a large, rugged drone is partially covered in snow and ice, with its blue lights glowing. The drone is positioned in the lower half of the frame, appearing to be in a state of distress or malfunction. The overall color palette is dominated by blues, whites, and greys, creating a cold and atmospheric feel.

Максим Орлов

Высота мёртвых

THE ICE
DOESN'T FORGIVE

Орлов М.В

18+

Максим Орлов

Высота мёртвых

<https://litres.ru/74671404>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир рухнул, когда вирус Z-13 превратил человечество в орды голодных мертвецов. Единственным убежищем стали высокогорья: лютый холод и разреженный воздух сковывали зараженных. Но на пике Победы, среди вечных снегов, найден древний ледник с «диким» штаммом. Альпинистка Анна Соколова заразилась и погибла на высоте 7100 метров. Её тело — единственный ключ к вакцине, но оно не замерзло. Вирус генерирует тепло, и у спасателей есть всего двенадцать часов, пока Анна не превратилась в нулевого пациента ледяной чумы.

Инженер Максим Ветров и его высотные дроны, опытный гид Тимур и спецназовец Дым отправляются в «Зону смерти». Их враги — не только мертвецы, карабкающиеся по отвесным стенам без кислорода, но и сама гора. Обледеневшие винты, отказ техники, галлюцинации от гипоксии и неумолимый таймер. На высоте семи тысяч метров технологии бессильны, а цена ошибки — взрыв перевала, который похоронит всех. Смогут ли они спустить то, что способно спасти мир, или холодные горы заберут их себе навсегда?

Содержание

Пролог. «Точка замерзания»	4
Глава 1. «Точка кипения» (Отшлифованная версия)	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Максим Орлов

Высота мёртвых

Пролог. «Точка замерзания»

Высота 7100 метров. Пик Победы. Тянь-Шань.

14 октября. 16 часов 47 минут.

Ветер на этой высоте не воет. Воют собаки, воют волки, воет человек, когда теряет всё, что имел. Ветер здесь молчит — и в этом молчании больше ужаса, чем в любом крике. Он просто есть. Он существует так же неотвратно, как гравитация, как время, как смерть. Он течёт сквозь разреженный воздух невидимой рекой, и эта река несёт в себе ледяную крошку — мелкую, злую, невидимую глазу, но ощущаемую каждой клеткой тела. Она бьёт в лицо, забивается под воротник, вползает в лёгкие и там кристаллизуется, превращая каждый вдох в глоток битого стекла.

Анна Соколова ползла.

Не шла — именно ползла, на четвереньках, вцепившись правой рукой в ледоруб, который вонзился в наст под углом, опасным для срыва. Левая рука, та, что в перчатке, безжизненно волочилась за ней, оставляя в снегу борозду. Ноги не слушались уже давно — они стали чужими, тяжёлыми, на-

литыми свинцом, и двигались лишь по инерции, по памяти мышц, выучивших за двадцать лет альпинизма ритм восхождения. Один шаг. Вдох. Второй шаг. Выдох. Но сейчас даже этот ритм сбился, рассыпался, как карточный домик на ветру.

Она остановилась. Прижалась щекой ко льду — не от усталости, а от необходимости почувствовать хоть какую-то опору, хоть что-то твёрдое в этом мире, который превратился в белую, звенящую пустоту. Лёд под щекой был не просто холодным. Он был живым. Она чувствовала, как он дышит — медленно, тысячелетиями, как дышат горы, как дышат ледники, как дышит сама земля.

Кислорода в баллоне оставалось на двадцать минут. Может, на тридцать, если дышать медленно, поверхностно, как учат инструкторы на курсах высотной подготовки. Но дышать медленно она уже не могла. Лёгкие горели, требуя воздуха, требуя жизни, и каждый вдох вырывался из неё рваным, хриплым звуком, похожим на смех сумасшедшего. Розовая пена проступала на внутренней стороне маски — отёк лёгких, верный спутник «зоны смерти», того рубежа выше семи тысяч метров, где человеческое тело начинает умирать не постепенно, а сразу, всем организмом, капитулируя перед разреженным воздухом.

Она знала это. Знала так же хорошо, как знала формулу кристаллизации воды или структуру двойной спирали ДНК. Она сама читала лекции студентам-альпинистам в Москов-

ском университете, стоя у доски в тёплой аудитории, пахнувшей мелом и кофе, и говорила им ровным, спокойным голосом: «Выше семи тысяч метров организм человека начинает умирать. Даже у подготовленных. Даже у чемпионов. Это не вопрос силы воли — это вопрос физики».

Тогда они смеялись. Она смеялась вместе с ними. «Я подготовлена лучше, чем большинство», — говорила она, и в этом не было хвастовства, только констатация факта, подтверждённого двенадцатью восьмитысячниками и двумя экспедициями на Эверест.

Теперь она лежала на высоте семь тысяч сто метров, и организм умирал. Физика неумолима.

Но это, странное дело, было не главное.

Главное заключалось в том, что где-то глубоко внутри неё, под рёбрами, под мышцами, под кожей, двигалось что-то чужое. Не боль — боль она бы приветствовала, боль была бы знаком того, что тело ещё живое, ещё человеческое. Нет, это было нечто иное. Холодное, методичное, пульсирующее в собственном ритме, не совпадающем с её сердцем. Оно ползло от левого плеча — туда, где три дня назад, в расщелине на высоте шесть тысяч восьмьсот метров, она коснулась странного, почти чёрного льда — и медленно, неумолимо распространялось по телу, словно корни дерева, прорастающие сквозь мёрзлый грунт.

Анна подняла голову. Внизу, за пеленой облаков, скрывались предгорья Киргизии — зелёные долины, реки, аулы, до-

роги, по которым ещё месяц назад ездили машины. Там, внизу, мир рушился. Три месяца назад начались первые сообщения — странные нападения в сибирских посёлках, потом на Урале, потом везде. Правительство молчало. Потом перестало молчать. Потом перестало существовать. Она видела это своими глазами, когда летела из Москвы в Бишкек: города внизу были тёмными, без единого огонька, словно кто-то выключил цивилизацию, как выключают свет в комнате.

Она закрыла глаза.

И сразу увидела Москву.

Три месяца назад. Москва. Офис «АэроЛогистики».

Дождь барабанил в панорамное окно сорок седьмого этажа, и этот звук казался Анне почти уютным — последним напоминанием о нормальном мире, который ещё существовал, ещё дышал, ещё верил в завтрашний день. Она вбежала в офис Максима без стука, швырнула на его стол папку с грифом «Совершенно секретно», и бумага рассыпалась по полированной поверхности, как карты, разложенные перед концом света.

— Смотри, — сказала она. Голос её был ровным, но руки дрожали — не от холода, а от того усилия, которое требовалось, чтобы держать эту дрожь под контролем.

Максим Ветров поднял глаза от монитора. Увидел её лицо — и побледнел. Они знали друг друга десять лет. Он осно-

вал «АэроЛогистику», компанию, которая первой в России начала использовать высотные беспилотники для доставки грузов в труднодоступные районы. Она была его научным консультантом — биолог, специалист по экстремальной физиологии, человек, который мог объяснить, почему на высоте восьми тысяч метров кровь густеет, как сироп, и почему пальцы чернеют быстрее, чем успеваешь это осознать. Они не были любовниками. Не были даже близкими друзьями в обычном смысле этого слова. Но они понимали друг друга с полуслова, потому что оба принадлежали к тому редкому типу людей, которые видят мир не таким, каким он кажется, а таким, каким он есть.

— Что случилось? — спросил Максим, и в его голосе прозвучала та нотка, которую Анна слышала лишь в самые серьёзные моменты — когда ломался прототип дрона, когда срывался контракт, когда умирал кто-то из их инженеров.

— Это данные из НИИ вирусологии, — сказала Анна, разворачивая на его столе карту мира. — Мой бывший коллега передал. Через неделю закроют границы. Через две — города. Через месяц — не будет ни границ, ни городов.

Карта была покрыта красными точками. Очаги. Так их называли в новостях, пока не запретили показывать карты вообще. «Очаги заражения» — звучало почти по-медицински, почти безопасно, как «очаги воспаления» или «очаги возгорания». Но Анна знала, что скрывается за этим стерильным термином. Она была в Сибири две недели назад, в закрытом

исследовательском центре под Новосибирском, и видела то, что не показали ни одному журналисту.

Красные точки росли, как плесень на сырой стене. Они расползались из Сибири на запад, захватывая Урал, Поволжье, приближаясь к Москве.

— Ты уверена? — спросил Максим. Он смотрел на карту, но Анна видела, что он уже поверил. Поверил потому, что она никогда не паниковала. Поверил потому, что она никогда не ошибалась в оценках. Поверил потому, что знал: если Анна Соколова вбежала в его офис без стука, значит, всё действительно плохо.

— Я была в Новосибирске, — сказала она. — Видела, что они скрывают. Это не грипп, Максим. Это не эпидемия в обычном смысле. Это... конец.

Она развернула другую карту. Тянь-Шань. Пик Победы. Семь тысяч четыреста тридцать девять метров — вторая по высоте вершина бывшего Советского Союза, одна из самых холодных и труднодоступных гор на планете.

— Пик Победы, — сказала она, и голос её зазвучал твёрже. — Одно из самых холодных мест на Земле. Температура зимой — минус сорок днём, минус пятьдесят ночью. Вирус неактивен при минус пятнадцати. На высоте семи тысяч он просто замёрзнет.

Максим долго молчал. За окном дождь усилился, барабанив в стекло так, словно кто-то бросал в него горсти мелкого гравия.

— Ты хочешь бежать в горы? — спросил он наконец.

— Я хочу выжить, — ответила Анна. — А ты?

Он смотрел на неё долго. В его глазах она читала борьбу — между разумом, который говорил, что это безумие, и чем-то другим, тем, что заставляло его десять лет назад бросить престижную работу в авиахолдинге и начать строить дроны в гараже, потому что верил, что может изменить мир.

— Я организую доставку оборудования, — сказал он наконец. — Дроны, связь, медикаменты. Если ты доберёшься до базового лагеря — я смогу поддерживать связь.

Она улыбнулась. Впервые за неделю.

— Спасибо.

Два месяца назад. Базовый лагерь. Высота 3600 метров.

Горы встретили их не сразу. Сначала были предгорья — пологие холмы, покрытые жухлой травой, аулы с глинобитными стенами, дети, бежавшие за их джипом и кричавшие что-то на киргизском. Потом дорога начала круто забирать вверх, и мир изменился. Деревья исчезли, уступив место альпийским лугам, потом луга сменились голыми скалами, потом скалы — вечными снегами.

Группа была маленькой — шесть человек. Тимур Асанов, гид, молчаливый киргиз с лицом, изрезанным морщинами и шрамом через всю левую щеку — память о камнепаде на

Хан-Тенгри в девяносто восьмом. Двое альпинистов из Казахстана — Серик и Бауыржан, оба мастера спорта, оба молчаливые, как их проводник. Немец по имени Ханс, который говорил, что «хочет увидеть последний чистый лёд на Земле, пока он не растаял». И Анна.

Они шли медленно. Акклиматизация — святое правило альпинизма, нарушать которое равносильно самоубийству. Каждый день — выше, потом спуск. Организм должен привыкнуть к разреженному воздуху, должен научиться жить в условиях, для которых не создан.

Вечером у костра, когда солнце уходило за пики и небо становилось фиолетовым, Тимур рассказывал истории. Говорил низким, гортанным голосом, в котором звучала сама земля, по которой они шли.

— В девяностом году на Победе погибла целая экспедиция, — говорил он, глядя на огонь. — Семь человек. Нашли их только через год, когда ледник сдвинулся. Они стояли в связке, держась за руки. Даже мертвые — держались за руки.

Анна слушала, подперев подбородок рукой, и думала о том, как странно устроена память горы. Она помнит всё — каждый шаг, каждую ошибку, каждую жизнь, которую забрала. И отдаёт их неохотно, по кусочкам, спустя годы, словно не желая расставаться с тем, что стало её частью.

— Старые льды, — продолжал Тимур, и в его голосе прозвучало что-то, чего Анна не могла определить — то ли суеверие, то ли знание, накопленное десятилетиями жизни в го-

рах. — Им тысячи лет. Может, там что-то спит.

Она засмеялась.

— Ты думаешь о вирусах?

Тимур пожал плечами.

— Я думаю, что горы не любят, когда на них поднимаются слишком много людей. Может, они защищаются.

Она не поверила ему. Тогда.

Три недели назад. Высота 6400 метров. Лагерь III.

Лёд здесь был другим. Не белым, не голубым, как в учебниках гляциологии, а тёмным — почти чёрным, с фиолетовым отливом, словно в него вмешали чернила. Анна заметила это первой, потому что смотрела на мир глазами биолога, а не альпиниста. Для альпиниста лёд — это опора, это путь, это то, во что вонзают кошки и ледоруб. Для биолога лёд — это архив, это память, это время, застывшее в кристаллической решётке.

— Посмотри, — сказал Ханс, указывая на ледник. Немец был хорошим альпинистом, но плохим наблюдателем — он увидел странность только потому, что она бросалась в глаза даже ему. — Этот лёд... он другой.

Анна подошла. Опустилась на колени — движение, которое на этой высоте требовало усилия, сравнимого с подъёмом штанги. Достала нож — маленький, складной, который всегда носила с собой, — и соскоблила кусочек.

На лезвии осталась чёрная слизь.

Она понюхала. Запаха не было — ни гнили, ни химии, ни того сладковатого аромата, который сопровождает разложение органики. Ничего. Лёд пахнул льдом, и только.

Но что-то внутри неё — инстинкт, отточенный годами работы в лабораториях и экспедициях, — закричало: *не трогай*.

Она убрала нож. Вытерла лезвие о штаны.

— Это ничего, — сказала она, и голос её прозвучал ровнее, чем она чувствовала. — Просто минералы. Черные отложения. Такое бывает в старых ледниках.

Но ночью ей приснился сон. Она стояла на вершине — не на Победе, а на какой-то другой горе, которой не существовало на картах, — и внизу, в долинах, горел мир. Не метафорически горел — именно горел, языками пламени, поднимающимися к небу. И кто-то шептал ей на ухо на языке, которого она не знала, но понимала. Язык был древним, как сам лёд, и в нём не было слов — только образы, только ощущения, только память.

Она проснулась в холодном поту. Костёр почти погас. Тимур сидел у огня, точил ледоруб, и звук скрежета металла о камень показался ей в темноте похожим на тот шёпот из сна.

Неделю назад. Высота 6800 метров.

Расщелину они нашли случайно. Тимур шёл первым —

он всегда шёл первым, потому что знал гору так, как капитан знает свой корабль, — и вдруг лёд под ним провалился. Не треснул, не раскололся — именно провалился, словно кто-то снизу выдернул опору. Тимур успел ухватиться за край, вонзив оба ледоруба в наст, но его рюкзак — тяжёлый, с запасным снаряжением — упал вниз, в темноту.

— Чёрт, — выругался он, и это было самое сильное ругательство, которое Анна когда-либо слышала от него. — Там моё снаряжение. Без него мы не поднимемся выше.

Она привязала верёвку к выступу.

— Я спущусь.

— Нет, — Тимур схватил её за руку, и его пальцы были холодными, как лёд, хотя он был в перчатках. — Там темно. И лёд странный. Я чувствую.

— Мне нужно твоё снаряжение, Тимур. Без него мы все останемся здесь.

Он посмотрел на неё. В его глазах она прочитала что-то, чего не могла назвать — не страх, не тревогу, а скорее знание. Знание того, что некоторые двери лучше не открывать.

Потом кивнул.

Она спустилась. Расщелина была узкой, глубокой, и стены её сжимались, словно пытаясь выдавить её обратно. На дне — рюкзак, целёхонький, и лёд. Тот самый, чёрный. Его было много. Слишком много. Он покрывал стены расщелины, словно чёрная плесень, словно болезнь, поразившая саму гору.

Она коснулась его рукой.

Холод. Не обычный холод льда — тот холод, который она знала с детства, который обжигает кожу и заставляет отдёргивать руку. Нет, это был другой холод. Холод, который проникал сквозь перчатку, сквозь кожу, сквозь мышцы и кости, и шёл дальше — внутрь, к сердцу, к мозгу, к самой сути её существа. Как будто лёд коснулся её в ответ. Как будто он узнал её.

Вдруг лёд под ней треснул. Она провалилась глубже, ударилась коленом о что-то твёрдое — боль вспыхнула резкой, белой, — и в этот момент её перчатка зацепилась за выступ чёрного льда. Она дёрнула рукой, пытаясь освободиться, и почувствовала, как что-то острое вонзилось в ладонь.

— Анна! — голос Тимура сверху, искажённый эхом расщелины.

— Я в порядке! — крикнула она. — Просто упала.

Она выбралась наверх, держась за верёвку, и Тимур втащил её, рывком, как мешок с мукой. На перчатке — чёрная слизь. Она сняла перчатку дрожащими руками.

На ладони — маленькая чёрная точка. Как укол иглой. Кровь выступила медленно, тёмная, почти чёрная.

Она промыла рану спиртом из аптечки. Замотала бинтом.

— Ничего страшного, — сказала она Тимуру, и улыбнулась. Улыбка вышла кривой, фальшивой.

Но всю дорогу до лагеря она чувствовала, как ладонь горит. Не от боли — от чего-то другого. От присутствия.

Четыре дня назад. Высота 6900 метров.

Анна проснулась от холода. Не обычного — того, что пронизывает тело снаружи. Другого. Холода, который шёл изнутри, из костей, из крови, из самой сердцевины её существа.

Она посмотрела на руку. Бинт пропитан чёрной жидкостью. Не кровью — чем-то другим, более густым, более тёмным. Она размотала бинт дрожащими пальцами.

Вены почернели.

Чёрные линии расходились от ладони, как корни дерева, как трещины на старом стекле, ползли к плечу, к шее, к сердцу. Они пульсировали — медленно, ритмично, в такт чему-то, что не было её сердцем.

Она достала тест-набор на Z-13 — маленький, портативный, который всегда носила с собой, как талисман. Капнула кровь на полоску.

Ждала.

Полоска не изменила цвет. Отрицательно.

Она посмотрела на руку. Чёрные линии ползли к плечу.

Достала микроскоп — портативный, для полевых исследований, купленный ещё в университете. Капнула кровь на предметное стекло. Посмотрела.

Клетки крови были... другими. Не разрушены — перестроены. Внутри каждой — чёрные кристаллы. Как лёд. Как

тот самый лёд из расщелины. Они росли, ветвились, пронизывали клетку, словно корни, прорастающие сквозь мёрзлый грунт.

Она опустила микроскоп. Руки дрожали так сильно, что она едва не уронила его.

Это не был Z-13. Тот вирус, что бушевал внизу, в долинах, был грубым, примитивным — он убивал мозг, оставляя тело двигаться на рефлексках. Этот был другим. Этот был... умным. Этот не убивал. Этот перестраивал.

Она вышла из палатки. Посмотрела вниз.

Там, в облаках, на высоте шесть тысяч пятьсот метров, двигались фигуры. Тёмные. Медленные. Заражённые. Они карабкались по склону, цеплялись за выступы, падали, разбивались — и ползли дальше. Их было много. Десятки. Может, сотни.

Они шли сюда.

Анна вернулась в палатку. Разбудила Тура.

— Нам нужно уходить. Сейчас.

— Что случилось?

Она показала ему руку.

Он посмотрел долго. В его глазах не было страха — только понимание. Понимание того, что он знал это. Знал с того момента, как она коснулась чёрного льда.

— Сколько их? — спросил он.

— Десятки. Может, больше. Они идут быстро.

— Мы не успеем спуститься.

— Мы не должны спускаться. — Она посмотрела ему в глаза. — Мы должны подняться. Выше. Там холоднее. Там они не пройдут. Там... там я замёрзну.

Тимур смотрел на неё долго. Потом кивнул.

Два дня назад. Высота 7000 метров.

Они потеряли Ханса.

Немец шёл последним — он всегда шёл последним, потому что был самым медленным, — и вдруг закричал. Анна обернулась — он провалился в трещину, узкую, почти невидимую, замаскированную тонким слоем снега. Верёвка натянулась.

Тимур бросился к краю, вонзил ледоруб в наст, обмотал верёвку вокруг руки.

— Держись! — крикнул он вниз.

Но верёвка лопнула. Не от нагрузки — её что-то перегрызло. Зубы.

Ханс упал в трещину. Крик оборвался резко, как обрывается нить.

Анна посмотрела вниз. В трещине двигались фигуры. Заражённые. Они уже были здесь. Поднялись по склону, спрятались во льду, ждали.

— Бежим, — сказала она.

Они побежали. Вверх. Куда угодно, только вверх. За ними — крики. Не человеческие. Что-то другое — скрежет, хруст,

звук ломающегося льда.

Они бежали до тех пор, пока не упали от усталости. На высоте семь тысяч пятьдесят метров. Анна посмотрела на руку. Чёрные линии дошли до плеча.

Она посмотрела на Тимура.

— Иди дальше. Без меня.

— Нет.

— Тимур, послушай. — Она взяла его за руку, и её пальцы были холодными, как лёд. — Если я спущусь, вирус проснётся в тепле. Я стану одной из них. И укушу вас. Оставь меня здесь. Холод... он сохранит меня.

Он посмотрел на неё долго. Плечи его дрогнули — впервые за всё время, что она его знала.

— Скажи остальным... — начал он, и голос его сорвался.

— Скажи, что я дошла до вершины, — закончила она за него. — Скажи, что я не боялась.

Он отвернулся. Пошёл вниз. Не оборачиваясь.

Она осталась одна.

Сейчас. Высота 7100 метров.

Анна открыла глаза.

Она не могла пошевелиться. Тело не слушалось — оно стало чужим, тяжёлым, налитым свинцом. Но она чувствовала — вирус добрался до мозга. Не убил. Что-то другое. Он... перестраивал. Медленно, методично, как часовщик, собира-

ющий механизм.

Она посмотрела на свои руки. Кожа стала серой. Вены — чёрными. Но она всё ещё думала. Всё ещё была собой.

«Это невозможно», — подумала она.

Но это происходило.

Холод. Минус тридцать восемь. Вирус должен был замерзнуть, перейти в анабиоз, как замирает всё живое на этой высоте. Но он не замерзал. Он работал. Он жил. Он был старше, чем всё, что она знала о жизни.

Анна поняла.

Она — первый носитель. Не зомби. Не человек. Что-то новое. Мост между двумя мирами — миром живых и миром льда.

Она закрыла глаза. В последний раз.

Холод обнял её. Не убил. Сохранил.

Лёд сомкнулся вокруг тела. Медленно. Как будто гора приняла её. Как будто гора всегда знала, что она придёт.

И Анна Соколова уснула.

Но где-то глубоко, в её тканях, в её клетках, в её ДНК, вирус не спал. Он тоже ждал. Ждал тепла. Ждал времени. Ждал того дня, когда лёд растает, и мир, который забыл о нём, вспомнит снова.

У него было время.

Тысячи лет.

Глава 1. «Точка кипения» (Отшлифованная версия)

ВЫДЕРЖКА ИЗ ТЕХНИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «АЭРОЛОГИСТИКА»

БПЛА «Буран-Н7», бортовой № 04.

Оператор: А. Бирюков.

Высота: 7112 м. Температура среды: -42°C. Ветер: 14 м/с, порывы до 18 м/с.

Статус: Обнаружен биологический объект. Класс: Человек (предположительно Соколова А.В.).

Тепловизор: фиксирует аномальный градиент.

Центральная температура тела: -2°C. Окружающая среда: -42°C.

Вывод: Объект не криогенен.

Повторяю: объект не криогенен. Зафиксирован слабый метаболический отклик.

Монитор в мобильном штабе «АэроЛогистики» мерцал

тусклым, болезненным светом, выдавая зернистую чёрно-белую картинку. За тонкими, обшитыми теплоизоляционными матами стенками усиленного контейнера выл ветер — тот самый, тянь-шаньский, что сдувает с гор всё, что не приковано к земле намертво. Внутри же, вперемишку с запахом озона от перегретых серверных стоек и горелого пластика, витал кислый аромат давно остывшего кофе.

Максим Ветров вцепился обеими руками в края складного стола, не моргая глядя на экран. Пальцы его, обычно такие уверенные на клавиатуре и джойстиках, сейчас побелели в суставах — он сам этого не замечал.

— Алекс, переключи на тепловизор, — бросил он, не отрывая взгляда от монитора. — Убери оптический шум.

Алексей Бирюков, сидевший за пультом управления, нервно сглотнул и щёлкнул тумблером. Картинка на экране мгновенно сменилась: вместо безжизненного заснеженного склона проступили контуры ледника в сине-фиолетовых тонах. И в центре кадра, там, где по расчётам, по координатам, по последнему сигналу маяка должно было лежать тело Анны, пульсировало маленькое, тусклое пятно.

Ни синее, ни фиолетовое. Оранжевое.

— Центральная температура тела минус два градуса, — тихо сказал Алекс, и голос его предательски дрогнул. — Максим, она не замёрзла. Она... она генерирует тепло.

Максим медленно выдохнул, и только сейчас заметил, что задерживал дыхание. Он знал, что «дикий» штамм мутиру-

ет, но видеть это собственными глазами, на экране тепловизора, было совсем другое дело. Тело Анны не было трупом. Это был инкубатор. Вирус перестраивал её клетки, заставляя их работать как биологический реактор, вырабатывая тепло вопреки сорокаградусному морозу, вопреки законам физики, вопреки всему, во что Максим привык верить за десять лет работы с техникой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.